© Ю.А. Артемова

ОТНОШЕНИЯ ПОДШУЧИВАНИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ (ОПЫТ ЭТНОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Несколько предварительных замечаний

Во многих культурах отношения между определенными лицами, чаще всего родственниками, характеризуются своеобразным коммуникативным стилем, который является предписанным (или, по крайней мере, нормативно признанным, допустимым) и заключается в шутливом, фривольном обращении друг с другом. Подобные отношения получили название отношений подшучивания.

Подшучивание — термин, относительно недавно вошедший в отечественную этнологическую литературу как русский аналог английского joking relationships и французского paranté à plaisanteries. Он был предложен Л.Е. Куббелем (Куббель 1998: 895).

В работах некоторых авторов – прежде всего ленинградских (петербургских) африканистов (напр., Ольдерогге 1960; Арсеньев 1977, 1997; Дзибель 2001 и др.) – словосочетание paranté à plaisanteries передается как "шуточное родство". Но ведь родственниками субъекты подобных отношений приходятся друг другу на самом деле, и поддразнивания отнюдь не являются главной составляющей таких отношений. Они – лишь внешний символ некоего внутреннего содержания, которое как раз и должно интересовать исследователя.

Л.Е. Куббель определял подшучивание как "форму отношений между индивидами и группами, состоящую в подчеркнутой демонстрации близости или, наоборот, неприязни между людьми при помощи шуточных способов коммуникации" (Куббель 1998). Он видел в подшучивании особую компоненту диадных отношений (например, между сыном сестры и братом матери) и делал акцент на предписании не обижаться на шутки.

А. Рэдклифф-Браун, которому принято приписывать пальму первенства в теоретическом изучении отношений подшучивания как особого, нормативно предусмотренного социокультурного феномена, называет таковыми отношения между двумя лицами, из которых одному обычаем дозволяется или – в некоторых случаях – даже предписывается поддразнивать другого, подшучивать над ним, а этот последний не должен при том обижаться (Radcliffe-Brown 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 107). Конкретные формы отношений подшучивания весьма разнятся от общества к обществу. В одних случаях подшучивания исключительно вербальные, в других они включают грубые шутки с имитацией драки или возней; в некоторых случаях допускаются непристойности, в некоторых – нет (Там же).

Отношения подшучивания зафиксированы этнографически преимущественно в традиционных обществах, под которыми мы понимаем такие социальные объединения, или сообщества, в которых, во-первых, общение между людьми носит в основном характер устойчивых личных отношений; во-вторых, контакты представителей таких объединений за пределами привычного узкого круга общения весьма ограниченны. Все или почти все свои жизненные нужды люди удовлетворяют в этом узком кругу. В-третьих, такие сообщества, как правило, сравнительно немногочисленны – от нескольких десятков до нескольких тысяч человек – и локализованы в сравнительно ограниченном географическом ареале. Это узко локальные малочисленные объединения. Наконец, в-четвертых, все или почти все связи между членами таких сообществ

Юлия Александровна Артемова – аспирант Института этнологии и антропологии РАН, преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии при Российском государственном гуманитарном университете и ИЭА РАН (г. Москва).

либо реально являются кровнородственными (а также отношениями свойства) и осознаются как таковые, либо уподобляются кровному родству и свойству путем различных нормативно предусмотренных процедур. Родственность и "личностность" отношений обеспечивают весьма жесткое санкционирование и, соответственно, следование всевозможным этическим и этикетным нормам, так как нарушитель в таких условиях всегда будет человеком более или менее близким всем остальным, и порождаемая нарушением дисгармония отношений грозит стабильности сообщества в целом и несет духовный дискомфорт отдельным лицам. А это, в свою очередь, обуславливает значительную устойчивость поведенческих стереотипов — традиционность. Соответственно, культуры таких сообществ мы именуем традиционными культурами, концентрируя основное внимание на стереотипах общения.

Исходя из сказанного, к числу традиционных культур следует отнести не только культуры охотников, собирателей, рыболовов, мотыжных земледельцев и кочевых скотоводов, не вовлеченных сколько-нибудь серьезно в орбиты государственных формирований, но и многие относительно изолированные крестьянские сообщества, включенные в развитые государственные системы. С этой точки зрения традиционной была культура значительной части русского сельского населения еще в XIX в., и до сих пор является традиционной культура многих удаленных от всего остального мира дагестанских, киргизских или алтайских аулов. Традиционной была еще лет 50-70 назад и культура кестымских татар (Республика Удмуртия), у которых автору этой статьи удалось собрать летом 2004 г. полевой материал. Данная немногочисленная группа татар (около 1000 человек), хотя и жила в 5 км от районного центра Балезино и в 20 км от г. Глазова, да и многие годы входила в состав многонационального советского колхоза, тем не менее усиленно поддерживала национальную обособленность, локализуясь в одном большом пос. Кестым, окруженном русскими и удмуртскими селами. Причиной был прежде всего ислам, а результатом явились преимущественная эндогамия, особый кестымский диалект татарского языка, тесные родственные связи, охватывающая все население поселка номенклатура родства классифицирующего типа, многочисленные правила родственной этики и этикета, часть которых все еще бытует. Все это дает, как представляется, основания использовать этнографические данные о кестымских татарах в этой статье.

Отношения подшучивания в литературе и разнообразные формы их бытования в этнографической реальности

В отечественной литературе практически нет специальных исследований, направленных на этнологическое, психологическое либо социологическое осмысление отношений подшучивания как особого социокультурного феномена. Хотя нельзя не отметить вышедший не так давно сборник "Смех: истоки и функции" (Смех 2002), где некоторые из статей касаются феномена подшучивания, если последний понимать широко.

В зарубежной, преимущественно англоязычной социально-антропологической литературе имеется несколько работ, посвященных кросскультурному анализу отношений подшучивания (Pedler 1940; Radcliffe-Brown 1940, 1949; Howell 1973; Brandt 1972), а также публикаций, рассматривающих этот феномен в контексте отдельных культур (Paulme 1939; Moreau 1941; Fortes 1945; Griaule 1948; Gulliver 1957). И те, и другие рассеяны в различных периодических изданиях. Автору настоящей работы известна лишь одна монография об отношениях подшучивания (Howell 1973).

Характерно, что почти все эти публикации вышли в свет до середины 1970-х годов. Последний всплеск интереса к отношениям подшучивания пришелся на 1940-е — начало 1970-х годов. Показательно также, что в вышедшей в 1997 г. англо-американской "Энциклопедии социальной и культурной антропологии" А. Барнард, крупнейший современный британский африканист, рекомендует в качестве литературы к своей ста-

тье "Подшучивания и избегания" только две работы – статью М. Гриоля о подшучиваниях у южноафриканских тонга (*Griaule* 1948) и книгу А. Рэдклифф-Брауна "Структура и функция в примитивном обществе" (*Radcliffe-Brown* 1952), где были перепечатаны две классические статьи об отношениях подшучивания сороковых годов (*Barnard* 1997: 308—309).

Подавляющая часть содержащихся в этнографической литературе сведений об отношениях подшучивания имеет характер более или менее отрывочных сообщений или даже просто упоминаний, вкрапленных в общие описания культуры либо в анализ каких-то иных обычаев и обрядов отдельных народов. Несмотря на относительно небольшое количество специальных работ, разные авторы выделяли разные формы отношений подшучивания.

Подшучивания могут быть как обоюдными (симметричными), так и односторонними (асимметричными). Помимо этого, в одних обществах подшучивать могут (или должны) старшие (или лица более высокого статуса), в других – младшие, в третьих – примерно равные по возрасту. Таким образом, нет общей константы соотношения статусов. В смысле статусов сторон разные отношения могут сосуществовать в различных комбинациях.

Следует также различать внутригрупповые (по сути межличностные) и межгрупповые подшучивания. В первом случае они выступают как диадные (парные) отношения между двумя индивидами, во втором имеются в виду сходные по структуре отношения подшучивания между коллективными субъектами, например, кланами. В последнем варианте лицо, являющееся адресатом или адресантом подшучивания, практикует названное поведение не как индивид, а как представитель группы.

Связь подшучиваний с избеганиями

Как принято считать, А. Рэдклифф-Браун первым привлек внимание к тому обстоятельству, что отношения подшучивания сплошь и рядом оказываются в традиционных обществах сопряженными с отношениями избегания. Он настаивал на том, что понять функции этих обычаев можно, только изучая их во взаимосвязи (Radcliffe-Brown 1940). Стоит, однако, отметить, что о том же, правда вскользь, писал ранее и А.М. Золотарев (Золотарев 1933).

Избегания, как и подшучивания, могут быть санкционированными и формализованными, а могут носить неформализованный характер. Первое характерно почти исключительно для традиционных обществ. О формализованных избеганиях можно говорить тогда, когда партнерам в конкретных, строго очерченных типах ситуаций надлежит сдерживать себя определенным образом: от слабого ограничения контактов до полного их исключения. Иногда "избегающим" всего-навсего нельзя фривольно шутить в присутствии друг друга. Нарушения таких предписаний или реализация их в иных, "неподобающих", формах влечет за собой более или менее жесткие санкции, часто сопряженные с верой в так называемое сверхъестественное наказание за вольное или невольное нарушение.

При изучении конкретного этнографического материала во многих случаях легко выделяются диадные родственные и свойственные отношения, для которых характерны либо избегания, либо подшучивания. Это в известном смысле оппозиционные пары. Так, очень часто в одном и том же обществе "избегают" друг друга один из супругов и родители, а также иные старшие родственники второго супруга. Особенно часто запреты сопровождают отношения разнополых и разновозрастных свойственников. Классические пары: теща и зять, свекор и сноха, старший деверь и невестка, старшая свояченица и зять. Иногда оба супруга избегают старших родственников друг друга. Очень часто определенные элементы избеганий характеризуют отношения детей и родителей, а также сиблингов разных полов. Иногда временно (изредка и пожизненно) некоторые ограничения предписаны даже супругам (Смирнова, Першиц 1978). Но

в большинстве случаев мужья и жены, а также все потенциальные брачные партнеры составляют пары подшучивающих. Подшучивают обычно внуки и деды, нередко тетки и племянники, дяди и племянники, свойственники одного пола и возраста, сиблинги одного пола (см., напр., Berndt R.M. and C.H. 1977: 40–50). В ряде обществ отношения подшучивания и избегания распространяются на различные формы искусственного родства. Но можно обнаружить и нетипичные стереотипы поведения "классических пар" (см., напр., Fine 1976).

О географии формализованных подшучиваний и избеганий

В литературе, особенно у эволюционистов XIX в., можно встретить утверждения, что отношения избегания универсальны для традиционных обществ, т.е. встречались повсюду, где такие общества изучались этнографически. Некоторые авторы, например А.М. Золотарев, полагали, что избегания повсеместно сопряжены с подшучиваниями: там, где существуют первые, должны существовать и вторые (Золотарев 1933). Представляется, что оба утверждения – преувеличения. На сегодняшний день известны отдельные традиционные культуры, в которых не зафиксированы избегания, и весьма много культур, для которых не описаны формализованные подшучивания (краткая сводка содержится в: Дзибель 2001: 335–337).

Обобщенно можно сказать, что избегания чрезвычайно широко отмечены в культурах коренного населения Нового Света и традиционных культурах Старого Света (сводная таблица: *Максимов* 1997 [1908]: 165; цитируемая работа, хотя и написана в 1908 г., до сих пор, насколько нам известно, остается самым обстоятельным трудом об избеганиях между свойственниками как в отечественной, так и зарубежной этнологической литературе), а подшучивания — в культурах американских индейцев, австралийских аборигенов и у огромного количества африканских народов. Так, Г.В. Дзибель пишет о Западной Африке: "Это настоящее "царство" шуточного родства" (*Дзибель* 2001: 335). Сославшись на А. Шаперу (*Schapera* 1930) и А. Барнарда (*Barnard* 1992), можно то же сказать и о Южной Африке. Достаточно много сведений об отношениях подшучивания для других районов Африки южнее Сахары (см. хотя бы многочисленные статьи петербургских африканистов в энциклопедии "Народы и религии мира" (НРМ 1998); все они основываются на зарубежных источниках).

Обращает на себя внимание то, что "зона" отсутствия сведений о подшучиваниях в значительной мере совпадает с теми ареалами, где вели полевые работы русские и советские авторы (Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, Кавказ, области расселения неславянских народов Европейской части России). Очевидно, внимание к этим обычаям вплоть до недавнего времени не входило в круг привычного поиска.

Так, в литературе о традиционных отношениях у бурят многократно описаны избегания и совсем не описаны подшучивания. Специальные расспросы одного из носителей культуры, однако, показали, что поиск подшучиваний был бы не лишен смысла. Информатор вспомнил, что часто дядя со стороны матери шутит с подрастающим племянником, и шутки эти весьма фривольны, обыгрывают половое созревание подростка (Баир Гомбоев, личная беседа). Подчеркнем, что молодой человек и брат его матери — это классическая пара подшучивающих для многих народов Африки и коренных народов Нового Света. Информатор-кабардинка сообщила автору, что припоминает что-то подобное отношениям подшучивания по детским впечатлениям деревенской жизни, однако поиск соответствующего материала в литературе желаемого результата не дал. Избегания же у кабардинцев описаны во множестве (см.: Смирнова 1983).

У поволжских татар в целом и у кестымских татар в частности тоже многократно описаны избегания (напр., *Касимова* 2003). Формализованные же подшучивания не отмечены. Все наши информаторы в Кестыме отрицательно отвечали на наши настойчивые вопросы об этом: "у нас такого не было". Но когда мы просили вспомнить,

кто с кем и как шутил особенно часто, в воспоминаниях двух информаторов вырисовывались типичные пары: племянница и брат матери, свояк и свояченица одного возраста.

Еще одной причиной преобладания в литературе сведений об отношениях избегания над сведениями об отношениях подшучивания может быть то, что запрет, как правило, действует строже, нежели предписание. Поэтому можно думать, что избегания оказались более живучими, чем подшучивания, и следует допустить, что часть культур ко времени их этнографического изучения уже утратила отношения подшучивания, но сохранила отношения избегания. Нельзя исключить и того, что в целом ряде культур изначально формализованные избегания существовали, а формализованных подшучиваний не было.

Типичные примеры отношений подшучивания в комбинации с отношениями избегания

Самые яркие примеры обществ, в которых все либо подшучивают, либо избегают и нет нейтральных отношений, дают койсанские народы Южной Африки (см.: Barnard 1992). Принцип деления на "партнеров по подшучиванию" (joking partners) и "партнеров по избеганию" (avoidance partners) — основа классификации родственников у койсанских народов.

У бушменов !кунг района Най-най каждый член сообщества относительно другого является обладателем своего "статуса подшучивания" (joking status), который необходимо соблюдать. Любопытно, что для бушменов !кунг оказалось важным наделять тем или иным статусом подшучивания и чужаков, чтобы понять, как правильно строить с ними взаимодействие. Л. Маршалл сообщает, что когда она в числе группы исследователей приехала к !кунг, они сразу же наделили каждого из членов экспедиции именами из своего языка. Соответственно, каждый исследователь обрел себе тезку среди бушменов и вследствие этого определенный статус: тезки у !кунг считаются самыми близкими людьми, они подшучивают свободным образом и в известном смысле личностно отождествляются. Таким образом, тезки разделяют все права и обязанности друг друга, в том числе и шутят, и избегают друг друга в одинаковых комбинациях. Соответственно, после наделения этнологов местными именами все бушмены группы кунг уже знали, кому и с кем из пришельцев следует шутить или же, напротив, избегать шуток (Marshall 1976: 205). Р. Ли изучал бушменов !кунг района Добе. Они считают всех людей, которые имеют одно и то же имя, потомками общего предка, носившего данное имя. Например, из 223 мужчин, проживавших в 1960-е годы в районе Добе, 22 носили имя ?=ома, и они при встрече друг с другом обязательно проявляли фамильярность, характеризующую их отношения как отношения подшучивания (Lee 1972: 357).

Подчеркнем, что у !кунг избегание — это всего лишь весьма слабая форма ограничения отношений: не запрещено шутить вообще, а можно шутить лишь на определенные темы, не допуская фривольности. Иными словами, наличие или отсутствие отношений подшучивания указывает не на наличие или отсутствие между данными партнерами подшучивания как такового, а на присутствие в шутках определенной тематики.

Типичные темы подшучивания между партнерами-мужчинами — строение и функциональный статус половых органов, а также сексуальное поведение. Например, один мужчина может сказать другому, что половой орган последнего обладает невероятно большими размерами или каким-то дефектом, что этот человек чрезмерно сексуально озабочен. Исследователям объяснили, что только сумасшедший может отпускать подобные шутки в адрес того, с кем не состоит в отношениях подшучивания.

Приведенный выше пример касался подшучивания между однополыми партнерами. Между мужчиной и женщиной у !кунг тоже могут быть отношения подшучивания,

но в более мягких формах. Муж может в шутку обвинять жену в том, что она много слоняется без дела и мало времени проводит дома, отсутствуя, когда муж хочет интимной близости с ней, или муж может поддразнивать жену, шутливо утверждая, что она съедает всю пищу, которую соберет, и дома нечего есть. Женщины парируют эти шутки, отвечая мужьям, например, что последние заслуживают лишь кастрации или неверной жены. Здесь отношения подшучивания симметричны.

Симметричными являлись, по-видимому, также отношения подшучивания у индейцев блэкфут (район Великих озер), как их описывал К. Уисслер. "Мужчина и его дополнительные жены ждали при встрече друг от друга дерзких и непристойных жестов, касающихся половых сношений" (Wissler 1935: 11–12). Вообще тематика сексуальных или брачных отношений занимает если не первое, то одно из первых мест в отношениях подшучивания между родственниками и свойственниками.

Помимо подшучивания между супругами часто практикуется и такая форма подшучивания, при которой мужчина в шутку называет женщину-партнера по подшучиванию - "моя жена". Такие шутки содержат намек на то, что мужчина с этой женщиной якобы состоит в интимных отношениях. Подобное притворство, как отметила Маршалл, !кунг находят весьма смешным. Мальчик может сказать девочке, с которой подшучивает: "ты моя жена" или "я женюсь на тебе", намекая на то, что у них были или могут состояться половые сношения. Но это расценивалось бы и как неправильное поведение, и как несмешная шутка, если такое было бы сказано совсем маленькой девочке, независимо от того, есть ли между мальчиком и этой девочкой отношения подшучивания. Очевидно, подшучивания у !кунг имеют менее откровенный и скабрезный характер тогда, когда их объекты находятся далеко от репродуктивного возраста, потому что не только с маленькими детьми, но и с пожилыми членами сообщества не допускаются слишком фривольные шутки. Если партнерами по подшучиванию являются молодой человек и старик, например дед и внук, они будут шутить, как им и предписано, но грубых оскорблений и неприкрытого сексуального подтекста станут избегать (Marshall 1976: 204 и сл.).

У бушменов г/ви (G/wi) одних родственников надлежит !ао (уважать и бояться), с другими же можно "играть" (Silberbauer 1972: 310). "Уважение" (избегание) принимает следующие формы: не садиться близко и избегать тактильных контактов, говорить с уважаемым родственником (и вообще в его присутствии) тихо и вежливо, избегая "пикантной" тематики, не смеяться при нем, не обращаться по личному имени, а употреблять особое сложное "уважительное" местоимение во множественном числе, не прикасаться без разрешения партнера по избеганию к вещам последнего, не брать и не передавать какие бы то ни было предметы из рук в руки, а прибегать для этого к помощи посредника (Ibid.: 310–311).

У бушменов хайllом (Hail/lom), живущих недалеко от района Най-най, отношения подшучивания (или избегания), называемые "дружить" и "стыдиться" соответственно, проявляются, в частности, в ритуале приветствия. Если гость – партнер по подшучиванию, то процедура приветствия будет иметь длинную и сложную форму, включающую подшучивание, и только после этого возможно общение между партнерами. Если же гость – партнер по избеганию, процедура приветствия сводится к минимуму (Widlok 1999: 146). Второе характеризует, например, отношения зятя с тещей. Партнерами по подшучиванию являются у хайllом кросскузены, их родители и деды.

Среди подшучиваний между однополыми партнерами весьма распространены подшучивания между сыном сестры и братом матери (или его детьми), а также между родственниками чередующихся поколений, например, дедами и внуками.

Брат матери и племянник, кросскузены, деды и внуки

Рэдклифф-Браун посвятил фигуре брата матери в традиционных культурах специальную работу, которая до сих пор остается классической (Radcliffe-Brown 1924). Она

основана главным образом на африканских и полинезийских материалах (тонга, готтентоты нама, тонганцы), но имеет гораздо более широкое теоретическое значение и направлена в первую очередь на опровержение ходячего эволюционистского представления о том, что особо близкие отношения с братом матери есть пережиток былого матриархата или, по крайней мере, былой матрилинейности.

Однако по ходу дела Рэдклифф-Браун привлекает внимание к следующему обстоятельству (производя, как сам признается, некоторое обобщение): "В таком обществе, как у батонга, сколько-нибудь значительная фамильярность допускается лишь между лицами одного пола" (Там же; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 28). А так как сыну следует почитать отца, то "племянник должен чтить сестру отца даже сильнее, чем отца" (поскольку она еще и противоположного пола) (Там же). Подобным же образом, как рассуждает далее Рэдклифф-Браун, с братом матери сын сестры может общаться свободно и с нежностью, но, в отличие от матери, принадлежащей к противоположному полу, он может позволить себе и фамильярность, так как брат матери – лицо того же пола (Там же: 29). От него, как выразился Рэдклифф-Браун, "ждут снисходительности". "Племянник по женской линии всю жизнь является объектом особой заботы со стороны дяди. Когда племянник болен, брат матери приносит жертвы предкам, для того, чтобы он выздоровел. Племяннику позволено многое по отношению к брату его матери; например, он может прийти в дом дяди и съесть то, что приготовлено впрок. Племянник заявляет свои права на часть собственности брата матери, когда последний умирает, а порой и на одну из его жен. Когда брат матери приносит жертву, сын сестры крадет и съедает часть мяса или выпивает часть пива, предназначенных божествам" (Там же: 24).

У готтентотов нама "сын сестры может очень вольно вести себя по отношению к брату матери и может взять любое особенно приглянувшееся ему животное из стада домашнего скота, принадлежащего брату матери, или любую особенно понравившуюся вещь из числа принадлежащих тому. Брат матери, напротив, может взять из принадлежащего племяннику стада лишь уродливое или состарившееся животное и лишь старый и негодный предмет из тех, которыми владеет племянник" (Там же). Сходные обычаи обнаружены на островах Дружбы и Фиджи.

У готтентотов нама обычай подшучивания сына сестры над братом матери, выражающегося, в частности, в форме угрозы похищения жены, описан и Барнардом (Barnard 1992: 187). Тематика подшучивания, как мы видим, опять же касается брачных отношений. Шапера, анализируя социальную организацию тсвана, обращает внимание на отличия отношений с материнским и отцовским дядей в их обществе. Эти отличия, по убеждению Шаперы, связаны с патрилокальностью и патрилинейностью тсвана. К старшим родственникам отца человеку предписано почтительное отношение. Он живет с ними и подчиняется весьма строгой дисциплине. У материнских же родственников он гостит время от времени, и с ними отношения более свободные и более теплые. "Больше, чем от кого-либо другого, – пишет Шапера, – человек ждет в тяжелый период бескорыстной помощи именно от материнского дяди" (Schapera 1953: 40). Подробнее он сообщает об отношениях подшучивания между Эго и детьми брата его матери, т.е. между кросскузенами.

Эти отношения подшучивания предписаны и симметричны. Обозначаются они термином go tlhagana и часто выражаются в обмене непристойностями. А кросскузены разных полов являются, помимо этого, наиболее подходящими партнерами для брака (Ibid.). Рэдклифф-Браун также указывал на то, что нередко встречаются отношения подшучивания между кросскузенами (Radcliffe-Brown 1940, 1949). Он ссылался на работы исследователей, зафиксировавших их у оджибве, у кига, у меланезийцев на островах Фиджи и Новая Каледония. Подшучивания могут практиковаться как однополыми, так и разнополыми кросскузенами. В частности, Рэдклифф-Браун приводит пример, записанный Рут Ландес у оджибве: «Когда встречаются кросс-кузены, они должны стремиться смутить друг друга. Они "шутят", высказываясь самым что ни на

есть вульгарным образом, – как по их стандартам, так и по нашим. Но поскольку отношения у них "добрые", постольку никто не обижается. Если кросс-кузены не шутят друг с другом подобным образом, то их считают невоспитанными, ведь они не участвуют в социальной игре» (Radcliffe-Brown 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 111).

Анализируя отношения мужчины с братом его матери, Рэдклифф-Браун подчеркивает, что в таких обществах, как общество тонга, во взаимоотношениях брата матери и сына сестры вырабатываются стереотипы поведения, воспроизводящие отношения матери и ребенка, и те же отношения имеют тенденцию распространяться на всех материнских родственников, и особой свободой и близостью они характеризуются у партнеров одного пола (Radcliffe-Brown 1924, 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 37–38, 115). При максимальной близости – один пол и "статус матери" (отношения, приравненные к отношениям с матерью) – допустимы или даже предписаны фамильярность крайней степени и употребление непристойностей. Таковы отношения мужчины или мальчика с братом его матери, его мужскими потомками и мужскими предками.

Отношения подшучивания между человеком и его дедом со стороны матери могут быть поняты в той же парадигме. Однако отношения фамильярности и больших вольностей зафиксированы не только между внуком и материнским дедом, но также и между человеком и отцом его отца, и здесь (для отношений родственников чередующихся поколений) Рэдклифф-Брауном предлагается иное объяснение. "Существует много примеров тому, – пишет он, – что деды и внуки как бы объединяются в социальной структуре, составляя оппозицию: первые – своим детям, вторые – родителям. Ключом к пониманию этого служит тот факт, что с течением времени внуки приходят на место дедов" (Radcliffe-Brown 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 114). Это напоминает современный анекдот. Вопрос: почему мы так любим своих внуков? Ответ: потому что мы знаем, что они за нас отомстят.

По мысли Рэдклифф-Брауна, деды и внуки испытывают особую близость в связи с противостоянием родным промежуточного поколения. Исследователь отмечает, что отношения подшучивания между дедами и внуками распространены во многих обществах. Они носят не вполне симметричный характер. Преимущественно внуки смеются над дедами, а последние реагируют на это добродушно (Там же). Притом речь может идти не только о реальном прямом родстве представителей чередующихся поколений, но и о тех, кто приходится друг другу дедами и внуками по классификационной номенклатуре родства.

Рэдклифф-Браун приводит шутки весьма распространенного в отношениях между дедами и внуками типа: "внук заявляет, что хочет жениться на жене деда или намерен сделать это, когда дед умрет. Или внук обращается к ней как к своей жене. Дед же, в свою очередь, может в шутку вести себя с женой внука так, будто это его собственная жена или женщина, которая могла бы быть его женой" (Там же). Как мы помним из описаний Маршалл, сходный тип шуток практикуется и !кунг, только у Маршалл речь не идет именно о партнерах – представителях чередующихся поколений. И у бушменов хайшом, по сообщению Т. Видлока, партнерами по подшучиванию являются кросскузены, их родители и деды (Widlok 1999: 184).

Свойственники

Отношения между свойственниками (in-laws) — это прежде всего "царство избеганий", но и подшучивания находят в них свое место. Так, разбирая системы родства североамериканских индейцев арапахо и чейеннов, Φ . Эгган писал об ограничениях отношений и о подшучиваниях между различными категориями свойственников (Eggan 1937). Анализируя отношения с родителями брачного партнера, он обращал внимание на разницу этих отношений для мужчины и для женщины. Между тещей и зятем у этих индейцев были отмечены отношения взаимного уважения и избегания. У арапахо

теща и зять никогда не должны были разговаривать, смотреть друг на друга, да и вообще находиться в одном помещении, в одном месте. При случайной встрече зять накрывал голову, а если им нужно было пообщаться, то они делали это с помощью жены/дочери, примерно так: "скажи своему сыну то-то и то-то"; "передай своей матери, что...". Такое избегание практикуется в комплексе с обычаем бытовой взаимопомощи (Ibid.).

Обычай покрытия головы при встрече с родителем супруга вообще был весьма распространен. Чаще, правда, он практиковался снохой в отношении свекра, чем зятем в отношении тещи. Например, по сообщению ряда наших информаторов, у чепецких татар сноха так и поступала. По словам М. (женщины из пос. Кестым), таким образом следовало вести себя и при старших братьях мужа. Невестке следовало закрывать лицо платком. Однажды родственница М. вышла накрывать на стол с открытым лицом. Муж ее чуть не ударил. Присутствовавший свекор, правда, сказал: "Теперь не закрывают...". Обычай такого избегания, например, закрывание платком лица, по сообщению Р., другой жительницы с. Кестым, назывался у кестымских татар "стыдиться". Согласно интерпретации А. ван Геннепа, покрытие головы символизирует изоляцию от окружающего мира - от всего мирского у служителей культа, от мужской половины человечества у женщин Востока, у людей, которым подобает делать это временно (например, на время обряда) или постоянно (например, после вступления в брак или принятия пострига) - от того, что составляло их жизнь вне этого периода (Геннеп 1999: 153). Однако те же кестымские татары поведали об обычае, согласно которому девушка как раз до свадьбы должна была носить особый головной убор (яулык у татар и сюлык у бесермян). С этим обычаем был связан и особый вид подшучивания – с девушки срывали яулык, а она притворно плакала.

А вот у тех же чейеннов и арапахо на женщину не накладывалось строгих ограничений в отношениях с родителями мужа, особенно со свекровью; с ней следовало дружить и дозволялось свободно разговаривать. У арапахо, как сообщает Эгган, свекровь и невестка могли даже шутить, хотя и в умеренной форме, они также изготовляли друг для друга одежду и обувь (*Eggan* 1937: 56). Между супругом сестры и братом жены в обеих этнических группах, как сообщает Эгган, господствовали отношения грубого подшучивания. Злиться на шутки стороны не должны были (Ibid.: 57).

Об отношениях мужчины с братьями и сестрами его жены у догонов писал Рэдклифф-Браун. У них при этом было типичным следующее разграничение: "к старшему брату и сестре жены относятся с почтением, а младших дразнят" (Radcliffe-Brown 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 110). Между женщинами (женой мужчины и его сестрами) отношения были во многом сходны. И так же как мужчины, за глаза они демонстрировали взаимное уважение, а при встрече должны были шутить и разыгрывать друг друга.

У чейеннов и арапахо сестра мужчины в полуигривой форме "присматривала" за его женой, блюдя его интересы (*Eggan* 1937: 57). Отношения между разнополыми inlaws Эгган охарактеризовал как противоположность отношениям родных брата и сестры. В отличие от родных братьев и сестер, разнополым свойственникам близкого возраста дозволялись грубые шутки с употреблением всевозможных непристойностей и даже взаимные заигрывания сексуального характера. Некогда между ними допускались даже половые сношения, что получило отражение в тематике шуток. Однако с мужем сестры мужа женщина должна была вести себя так же, как с родным братом – избегать (Ibid.).

У татар Кестыма мужчины также часто подшучивали с младшей сестрой жены или с ее не вполне взрослой родственницей. Шутки носили несколько фривольный характер, например, мужчина мог приобнять девушку, как бы стремясь к близости с ней.

Что касается отношений между родителями жены и родителями мужа, то между ними во многих случаях было принято взаимное почтение, крайне уважительное обращение.

Некоторые соображения о функциях рассмотренных обычаев

Выше приведены лишь выборочные данные, иллюстрирующие бытование формализованных избеганий и подшучиваний в традиционных обществах. Однако и они позволяют, как представляется, сделать некоторые обобщения и предварительные выводы о функциональном смысле интересующих нас феноменов.

Прежде всего рассмотренные примеры позволяют увидеть некоторые общие тенденции в формировании пар подшучивающих и избегающих. В доступных нам описаниях отношений подшучивания между кровными родственниками многократно встречались указания на отношения подщучивания между дедами и внуками, кросскузенами, братом матери и сыном сестры. Для родственников по браку описаны как подшучивания, так и избегания между супругами, а равно и между супругом сиблинга и сиблингом супруга. Здесь, как мы видели, может играть роль и пол, и возраст сторон. Вспомним, что у догонов муж мог дразнить младшую, но не старшую сестру жены. То же наблюдалось и у кестымских татар. Избегания чаще всего практиковались между супругами детей и родителями супругов. В одних обществах предписывалось ограничение отношений между зятем и тещей, но не между свекром и снохой, в других – наоборот. Типично также избегание старшего сиблинга супруга, если он принадлежит к противоположному полу.

Фактор возраста играет роль для разграничения родственников и свойственников на партнеров по подшучиванию и избеганию, как минимум, в двух вариантах. Во-первых, может иметь значение то, к какому поколению принадлежит человек, что, в частности, очень ярко представлено в социальной структуре бушменов хайшом. Вовторых, как уже говорилось, внутри одного поколения часто играло роль, имел ли человек статус младшего либо старшего по отношению к Эго или супругу Эго, т.е. joking status мог, в зависимости от возраста, быть разным внутри одной и той же родственной категории.

Таким образом, хотя в различных обществах все это бытовало в весьма различных вариантах и соотношениях, в целом похоже, что на формирование интересующих нас предписаний и запретов в традиционных обществах ключевое влияние оказывала особая комбинация двух факторов — пола и возрастного статуса. Именно они, как представляется, должны быть отправным пунктом в рассуждениях о социологическом и психологическом смыслах феноменов подшучивания и избегания. В связи с этим следует поставить такие вопросы: в чем заключаются социологическое и психологическое содержания и эффект избеганий и подшучиваний как таковых — безотносительно к партнерству — и почему именно таким-то и таким-то парам предписывается подшучивать или избегать? Прежде чем высказать собственные соображения, необходимо обратиться к историографии. Впрочем, рамки статьи позволяют рассмотреть лишь наиболее важные из выдвигавшихся гипотез.

В этнологии интересующие нас феномены долгое время изучались и объяснялись порознь, а так как избегания попали в поле зрения этнологов гораздо раньше, чем отношения подшучивания, то и гипотезы о смысле и происхождении избеганий появились раньше. Первоначально это были эволюционистские объяснения: ответы искались в глубоком прошлом, а причины – в каких-то единичных, пусть якобы и универсальных событиях, к тому же всего лишь предполагаемых¹.

Однако еще в XIX в. появились объяснения, в которых обычаи избегания не считались пережитком, но искался функциональный смысл в текущей жизни их носителей. Самой популярной была выдвинутая А. Жиро-Телоном и развивавшаяся Л. Файсоном, Д. Аткинсоном, Э. Кроули и другими гипотеза о том, что избегания предназначены для того, чтобы предотвратить кровосмесительные половые связи. Этим ученым возражали, что избегания отмечены в достаточном числе и между однополыми партнерами.

Более всего сторонников получила гипотеза Э. Тайлора, который видел в избеганиях "подчеркивание разницы между исконными членами семьи и вновь вступившим в нее чужаком, непризнавание последнего первыми" (Максимов 1997 [1908]: 164). Применив предложенный им метод арифметического подсчета "сосуществований", Тайлор пытался продемонстрировать, что муж и родственники жены избегают при матрилокальности брачного поселения, жена и родственники мужа — при патрилокальности, а комбинированные избегания (и муж и жена избегают родственников друг друга) сопряжены со смешанными или комбинированными формами брачных поселений (супруги какое-то время живут с родителями жены, а какое-то — с родственниками мужа). Последующие авторы, в частности А.Н. Максимов, обнаружили слишком много исключений из "сосуществований" Тайлора, в том числе указывалось на такие "вопиюще" случаи, как австралийский, когда при жесткой патрилокальности главные "взаимоизбегающие" — зять и теща. Помимо этого при таком подходе остаются без объяснения избегания между кровными родственниками.

Сам Максимов выдвинул объяснение, в котором попытался опереться не на прошлые или текущие социологические обстоятельства, а на универсальные, устойчивые психологические явления. Существование избеганий, как он полагал, следует связывать с тем, что отношения между свойственниками, в отличие от отношений между кровными родственниками, складываются не естественно и постепенно, а в краткие сроки и искусственно. Родственные отношения формируются сами собой и приобретают прочность, определенность задолго до того, как ребенку становятся доступными какие бы то ни было формализованные поведенческие нормы. В силу этого, писал он, "такая формулировка родственных отношений не нужна, да и затруднительна, как затруднительно точное формулирование всего, основанного на навыке и традиции" (Там же: 214). Отношения же по браку приходится строить уже во взрослом состоянии, да и почти на пустом месте. Строительство новых отношений – процесс сложный и болезненный, чреватый непониманием и конфликтами. Поэтому этот процесс формализуется с помощью мелкой и жесткой регламентации и превентивных ограничений контактов вплоть до полного, порой, их избегания, которое часто приходится на первые после вступления в брак годы. На те же соображения опирался Максимов, объясняя, почему пол и возраст партнеров по взаимодействию с очевидной регулярностью сказываются на степени жесткости ограничений. Лицам разного пола и с большим возрастным разрывом психологически труднее находить "общий язык", а людям одного пола и возраста легче. Поэтому больше всего ограничений для зятьев и тещ, снох и свекров, затем следуют старшие девери и невестки, зятья и старшие свояченицы, а уж шурины и зятья, невестки и золовки практически свободны от запретов. Эта концепция получила одобрение ряда советских авторов, в частности, Я.С. Смирновой и А.И. Першица (Смирнова 1983: 40 и др.: Смирнова, Першиц 1978: 63-64).

Объяснение Максимова, безусловно, дает опору для дальнейших размышлений. Подчеркнем, однако, что оно не помогает понять целый ряд явлений, например, избегания между кровными родственниками, супругами, тещей и зятем, которые "предназначены друг другу" с малолетства.

Интересно, что тридцатью с лишним годами позднее Рэдклифф-Браун, стремясь объяснить функциональный смысл отношений подшучивания вкупе с отношениями избегания, рассуждал чрезвычайно близким к Максимову образом. Иногда в работах этих авторов можно обнаружить почти полные совпадения мысли ("хорошие умы встречаются"). "Человек, – писал Рэдклифф-Браун, – занимает четко определенную позицию в социальной структуре – позицию, обусловленную его рождением в определенной семье, линидже, клане. Огромная часть тех прав, обязанностей, интересов и занятий, которые он делит с другими людьми, есть следствие этой позиции. До женитьбы семья его будущей жены – чужая ему, а он – чужой ее семье. Это основа того социального разъединения, которое не исчезает и после женитьбы" (Radcliffe-Brown 1940; цит. по: Рэдклифф-Браун 2001: 109).

В основу своего понимания содержания и предназначения формализованных, или, как он говорил, стандартизованных избеганий и подшучиваний, Рэдклифф-Браун положил понятия "социального разъединения" и "социального единения". Во всех этнографических примерах формализованных избеганий и подшучиваний он искал одну и ту же структурную ситуацию, сочетающую социальное разъединение и социальное единение. Так, муж и родственники жены разъединены тем, что в прошлом не были связаны ни правами, ни обязанностями, а объединены вновь появившимися правами и обязанностями.

"Социальное разъединение сопряжено с расхождением интересов, и отсюда возможность возникновения враждебности, а в то же время единение требует избегания раздоров. Как можно придать стабильность и упорядоченность отношениям, сочетающим такие противоположные тенденции?". Существует два способа: либо крайнее уважение и ограничение контактов, либо отношения непочтительности и вольностей. Реальная вражда там, где для нее имеются основания, как бы элиминируется путем имитации вражды. "Я думаю, — писал исследователь, — также (это абсолютно очевидно), что отношения, в которых обмениваются оскорблениями и при этом существует обязательство не принимать эти оскорбления всерьез, — это отношения, позволяющие благодаря притворному конфликту уйти от конфликта реального". С точки зрения британского антрополога, таким образом, избегание и подшучивание — два альтернативных пути предотвращения конфликтов в тех социальных ситуациях, где для таковых есть основания (Там же: 109–110, 127).

При всей их интеллектуальной красоте и тонкой "психологичности" интерпретации Рэдклифф-Брауна удовлетворяют далеко не всем случаям подшучивания и избеганий. С большой натяжкой можно было бы говорить о скрытом антагонизме у сиблингов, в том числе и у сиблингов разного пола, избегающих друг друга у некоторых народов, но какую потенциальную враждебность можно усмотреть в отношениях брата матери и сына сестры, которые, как указывал сам Рэдклифф-Браун, уподобляются отношениям с матерью и характеризуются крайней степенью близости (единения, по терминологии Рэдклифф-Брауна)? Его интерпретации могли бы объяснить отношения "дружбы" между свойственниками, которым, как справедливо отмечает исследователь, необходимо "устанавливать дружбу", означающую "обязательство двух людей не вступать друг с другом в ссору или открытый конфликт" (Там же). Но так ли они подходят для объяснения дружбы между дедами и внуками?

Среди многих ученых, критиковавших идеи Рэдклифф-Брауна, в том числе его подход к подшучиваниям и избеганиям, был Д. Фридман. Ему эти интерпретации не представлялись "абсолютно очевидными". Фридман обращал внимание на то обстоятельство, что научные споры о функциях отношений подшучивания и немалая путаница в интерпретациях возникали вследствие неправомерной подмены предмета обсуждения. Он указывал на существование двух различных типов подшучивания, что нередко ускользало от внимания исследователей. С его точки зрения, в тех регионах, где отношения заданы и определены нечетко, подшучивание – попытка изменить, структурировать отношения, способ перехода к более близким отношениям, способ установления отношений. Там же, где отношения заданы четко, подшучивание выступает, по его словам, как одна из предписанных форм взаимодействия. Фридман делает предположение, что первое характерно для сложных гетерогенных обществ с размытыми культурными традициями, а второе – для традиционных и сравнительно однородных по составу обществ и групп (Freedman 1997).

Таким образом, мы видим, что все приводившиеся выше объяснения, равно как и ряд не приводившихся, несомненно (за исключением, как нам кажется, гипотез, апеллировавших к пережиткам), содержат "рациональные зерна", но даже самые глубокие и изощренные из них, такие, как объяснения Максимова и Рэдклифф-Брауна, не удовлетворяют всем вариантам зафиксированных этнографией отношений подшучивания и избеганий, а также не исчерпывают смысла тех конкретных примеров, которым

в основном удовлетворяют. Не потому ли это происходит, что каждому исследователю, ищущему объяснение той или иной серии реальных феноменов, объединяемых по какому-то общему принципу, хочется сразу охватить одной идеей всю серию, "одним шаром сбить все кегли"? И не в том ли дело, что перед нами полифункциональные поведенческие инструменты, эмпирически найденные, отточенные, чрезвычайно дифференцировавшиеся в процессах многотысячелетнего человеческого взаимодействия? Подобно тому, как мировая материальная культура знает множество видов стамесок и пассатижей и каждым отдельным предметом из этих видов можно проделать множество процедур, приводящих ко множеству разнообразных результатов, — подобно этому подшучивания и избегания представляют собой отработанные приемы регламентации поведения, которые при внешнем, формальном, сходстве могут вводиться в действие в различных ситуациях и достигать различных эффектов.

В самом деле, согласившись с Максимовым в том, что нельзя смысл избеганий всецело сводить к стремлению предотвращать инцестуальные связи, нельзя, как кажется, в то же время не признать, что избегания между братом и сестрой, как и между тещей и зятем (которые, при типичности для многих традиционных обществ браков с большим разрывом в возрасте супругов, являются ровесниками или почти ровесниками), все же служат профилактике кровосмешения. Избегания между свекровью и снохой, похоже, действительно нивелируют почти неизбежную конкуренцию за обладание сердцем мужа/сына и связанный с ней антагонизм. А избегания между свекром и снохой, которые – при близости возраста супругов, что тоже не редкость в традиционных обществах - вполне могут почувствовать влечение друг к другу (во всяком случае, 40-летний отец мужа очень даже может увлечься 20-летней женой сына), с очевидностью должны предотвращать инцест. Далее, подшучивания между женой брата и сестрой мужа действительно сопряжены с амбивалентной ситуацией "вражды и дружбы" и призваны как бы снимать напряжение, но подшучивания между сыном сестры и братом матери не содержат никакой амбивалентности. Они отчетливо свидетельствуют о крайней близости и прочности, неуязвимости отношений.

Сами по себе избегания и подшучивания представляют собой не только полифункциональные, но и очень "энергоемкие" поведенческие приемы. В каждом конкретном случае применения этих поведенческих инструментов, вопрос об "эффекте на выходе" решается не через "или-или", а скорее через "и-и". Одно отдельно взятое подшучивание порой может содержать упрек, косвенную агрессию, проявление дружеской фамильярности, ненавязчивую передачу сообщения о близких и теплых отношениях, намек на общий разделяемый контекст, указание на статус, демонстрацию своего превосходства, попытку разрядить обстановку, потребность получить удовольствие, в том числе и эстетическое.

Эстетическое удовольствие привносится не столько даже содержанием шутки (оното нередко бывает антиэстетичным), сколько красотой самого коммуникативного приема, удачно найденным способом передать многоуровневое сообщение. Сразу несколько целей достигается одной фразой или одним жестом, что очень экономично. Иными словами, речь идет не только о том, что в одних ситуациях подшучивание выполняет одну функцию, а в других – иную, но еще и о том, что оно в одной и той же ситуации сразу "убивает нескольких зайцев". На одном уровне мы получаем удовольствие от содержания шутки, на другом – от понимания шутливости контекста, того, что, скажем, зло несерьезно, неопасно, преодолимо² и т.д.

Все теории комического, как пишет Ю.В. Бороденко, можно с большей или меньшей долей условности разделить на два направления — когнитивную и аффективную парадигмы (Бороденко 1995). С точки зрения аффективной парадигмы, смех порождается амбивалентностью чувств, а в когнитивной парадигме на передний план выступает интеллектуальное восприятие несоответствия (incongruity). В рамках когнитивной парадигмы смех и чувство юмора рассматриваются как познавательная способность, формирующаяся при достижении определенного уровня развития познавательной сферы.

В этой парадигме рассуждали и Г. Бейтсон, и Д. Кестлер, и П. МакГи. И если посмотреть на смеховое поведение как на интеллектуальную способность, то понятно, что ее, в зависимости от мотивов, которые движут человеком, можно использовать по-разному. И смеховое поведение ассоциируется в первую очередь, как и творчество, с внутренней мотивацией, о чем, в частности, рассуждал Д. Левайн (Levine 1969). Это одно из объяснений, которое он дает тому факту, что юмор и смех долгое время почти не интересовали ученых-гуманитариев – психологов, социальных антропологов, социологов. Для того чтобы человек практиковал поведение, диктуемое внутренней мотивацией, не требуется депривации каких-то важных потребностей – в безопасности, в пище, в уважении (повышении своего статуса). Соответственно, не так выражен был и "социальный заказ" на изучение данных феноменов. Кроме того, имея способность продуцировать и воспринимать смешное, человек может произвольно использовать данную способность, в частности, для удовлетворения внешних по отношению к самому смеховому поведению потребностей, т.е. использовать ее как инструмент.

Что превращает буквальное оскорбление в символический дружеский жест? – ставит вопрос Фридман. И отвечает, что необидный смысл взаимодействию придается характером отношений (Freedman 1997: 84). Содержание оскорбления не принципиально, заключает Фридман, оно может сильно варьировать. Важен социальный контекст. Мы видели, что формализованные подшучивания часто сводятся к притворным оскорблениям. А значит, их структура должна иметь нечто общее с реальными оскорблениями. В чем суть (смысл) оскорбления? В нарушении идентичности оскорбляемого. При оскорблении (неважно, словом или действием) человеку передается сообщение, что его сущность не такова, какова она на самом деле (или с его точки зрения). Его образ Я ставится под сомнение, ему навязываются не присущие ему роли. Это так или иначе затрагивает какой-то из элементов структуры самосознания, будь то имя, пол, национальность, возраст, социальный статус, что позволяет понять и то, почему та или иная тематика преобладает и при имитации оскорбления, т.е. при подшучивании.

В целом, конечно, тематика подшучиваний может быть практически любой. Но поскольку подшучивания часто представляют собой притворные оскорбления (или притворную агрессию), постольку мишенями их оказываются зачастую значимые для высмеиваемого индивида, вернее для его самосознания и самооценки, темы. И неслучайно заметную долю шуток при отношениях подшучивания составляют шутки на тему "материально-телесного низа", весьма обильно представлена сексуальная и агрессивная — насилие, боль, болезнь, грязь — тематика. Таким образом, в плане метакоммуникативном, подшучивающий передает сообщение: ты не тот (не такой), каким себя считаешь (я отношусь к тебе не так, как ты считаешь). Инструментом же этого шутливого искажения "образа Я" оппонента может служить, а зачастую и служит, в частности, снижение.

Как пишет И.С. Кон, "культура строго различает мужские и женские роли и модели поведения и запрещает нарушать эти границы, например, в одежде", однако «формулируя то или иное предписание, культура почти всегда предусматривает какие-то возможности его нарушения. Эти исключения часто смягчаются тем, что относятся либо к другому времени (например, к "мифологическому времени", в отличие от реального), либо к особым персонажам – богам или героям, подражать которым рядовой человек не может, так что общая норма не теряет своей силы и обязательности. Но существуют и такие ситуации, в которых нарушение и перевертывание установленных норм и правил является обязательным правилом, законом» (Кон 1988: 184—187).

Казалось бы, подшучивание по форме противоположно избеганию, оно подразумевает свободу межличностного поведения. Но парадоксально, что это – все равно предписание, т.е. некая регламентация отношений. Оно, с одной стороны, заключает в себе нарушение норм (вежливости, целомудрия и пр.), а с другой, является нормой для

определенного социального контекста. Иными словами, это "нарушение правил по правилам".

А. Кестлер предложил понятие биссоциации, определяемой им как восприятие ситуации или идеи в двух самосогласованных, но обыкновенно несовместимых рамках (контекстах) (см.: Levine 1969: 6). Кестлер различал рутинное и креативное мышление, пользуясь понятиями "искренняя" и "фальшивая" или "однозначная" и "двусмысленная" (single-minded, double-minded) мысль (Ibid.). Явление биссоциации ответственно, с точки зрения Кестлера, за творчество, научные открытия и юмор.

Другой представитель того же подхода к изучению юмора, Г. Бейтсон, являлся одним из тех, кто отстаивал точку зрения, что определенный уровень когнитивного развития необходим и для полноценного личностного развития (Бейтсон 2000; Bateson 1969). Он предложил понятие логических типов. Исследователь привлекал внимание к тому, что человеческая коммуникация, как правило, протекает одновременно сразу на нескольких уровнях. Помимо явного, выраженного вербально, смысла сообщение содержит обычно один или сразу несколько скрытых смыслов, например, непрямое указание к действию, сообщение об отношении адресанта к адресату и т.п. - все то, что принято относить к сфере метакоммуникации. Эти разные смысловые уровни Бейтсон и называет логическими типами (Bateson 1969: 159-161). Он выделяет несколько сфер, характеризующихся одновременным накладыванием друг на друга сразу нескольких логических типов. Среди них, в частности, Бейтсон называет и юмор. Понимание юмора, смысла шутки – один логический тип, а правильное распознавание контекста коммуникации как шутливого – другой. Второе сложнее, для него требуется нечто большее, чем высокий интеллект, или же интеллект иного типа, принципиально отличный от интеллекта ЭВМ.

Применяя эту идею к человеческим взаимоотношениям, к аффективной сфере человека, мы получим более глубокое осмысление смеховой коммуникации, нежели прибегая для объяснения к понятию амбивалентности. Амбивалентность подразумевает скорее балансирование между положительным и отрицательным полюсами, комическое же восприятие явлений, юмор представляют собой скорее сплав. Важно то, что это сплав уже разделенных в прошлом элементов, а не изначальная хаотическая материя. Подшучивание, как форма межличностной коммуникации, представляет собой, таким образом, весьма тонкий поведенческий прием. Если человек способен мыслить логически, то способность сознательно, произвольно игнорировать противоречия позволяет ему делать это свободно и, в отличие от сознательного лгуна, бескорыстно. И тогда он владеет продуктивным коммуникативным приемом.

Примечания

¹ Сводки таких объяснений содержатся, например, у А.Н. Максимова и Я.С. Смирновой (*Максимов* 1997 [1908]; *Смирнова* 1983).

² Интересно осмысление феномена смешного, представленное в работе Л.В. Карасева "Философия смеха" (Карасев 1996: 17–29). Отталкиваясь от той знаменитой идеи Аристотеля, что смешное есть некоторая ошибка или безобразие, никому не приносящее страдания, Карасев говорит о том, что все, над чем мы смеемся, "содержит некоторую меру зла" (Там же: 17). "Смех – единственное из наших душевных движений, которое во многом противоречит причине, его породившей. А это означает, что смех, будучи чувством несомненно положительным, оказывается ответом на событие, в котором наш взгляд или ухо, помимо всего прочего (курсив мой. – Ю.А.), обнаружили и нечто, подлежащее отрицанию и осуждению" (Там же). Мгновенно, интучтивно у человека возникает понимание, что, с одной стороны, перед ним – некоторое зло, а с другой стороны, что зло не фатально. Происходит "внезапное обнаружение того, что зло преодолимо" (Там же: 28–29).

Литература

Арсеньев 1977 – Арсеньев В.Р. Общности по "клановому имени" ("джаму") у населения верховьев Сенегала и Нигера // Этническая история Африки. М., 1977.

Арсеньев 1997 – Арсеньев В.Р. Бамбара: Люди в переходной экономике. СПб., 1997.

Бейтсон 2000 – Бейтсон Г. К теории шизофрении // Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.

Бороденко 1995 – Бороденко Ю.В. Два лица Януса-смеха. Ростов н/Д., 1995.

Вербицкий 1893 – Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893.

Геннеп 1999 – Геннеп, А. ван. Обряды перехода. М., 1999.

 Γ орохов 1883 — Γ орохов H. Кинитти // Изв. Восточно-сибирского отд. Русского географ. обва. Т. 14. Иркутск, 1883.

Дзибель 2001 — Дзибель Γ .В., Феномен родства. Пролегомены к иденетической теории. СПб., 2001.

Золотарев 1933 – Золотарев А.М. Новые данные о групповом браке // Сов. этнография. 1933. № 3-4. С. 197-204.

Карасев 1996 – Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996.

Карпов 2002 – Карпов Ю.Л. Женское пространство у народов Кавказа. М., 2002.

 $Kacumoвa\ 2003-Kacumoвa\ \mathcal{J}.\Gamma.$ Семейная обрядность чепецких татар (середина $19-20\ в.$). Ижевск, 2003.

Kатанов 1897 — Kатанов H. Φ . Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.

Кон 1988 - Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.

Куббель 1998 – Куббель Л.Е. Подшучивание // Народы и религии мира. М., 1998.

Максимов 1997 [1908] – *Максимов А.Н.* Избр. тр. М., 1997.

НРМ 1998 - Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.

Ольдерогге 1960 – Ольдерогге Д.А. Западный Судан в 15–19 вв. // Тр. Ин-та этнографии. 1960. Т. 53.

Перлз 2000 – *Перлз* Ф. Эго, голод и агрессия. М., 2000.

Потанин 1883 – Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб., 1883.

Потанин 1893 – Потанин Г.Н. Тангуто-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1–2. СПб., 1893.

Pэдклифф-Eраун 2001 — Pэдклифф-Eраун A. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

Смех 2002 - Смех: истоки и функции / Под ред. А.Г. Козинцева. СПб., 2002.

Смирнова, Першиц 1978 — Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формационная оценка или "этический нейтралитет"? // Сов. этнография. 1978. № 6. С. 61–70.

Смирнова 1983 – Смирнова Я.С. Семья и брак у народов Кавказа. М., 1983.

Barnard 1992 – Barnard A. Hunters and Herders of Southern Africa (A Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples). Cambridge, 1992.

Barnard 1997 – Barnard A. Joking and Avoidance // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Eds. A. Barnard, J. Spencer. N.Y., 1997. P. 308–309.

Bateson 1969 – Bateson G. The Position of Humor in Human Communication // Motivation in Humor / Ed. J. Levine. N.Y., 1969. P. 159–167.

Berndt R.M. and C.H. 1977 – Berndt R.M., Berndt C.H. The World of the First Australians. Sydney, 1977.

Brandt 1972 – *Brandt C.S.* A Preliminary Study of Cross-Sexual Joking Relationships in Primitive Society // Behavior Science Notes. 1972. Vol. 7. P. 313–329.

Griaule 1948 – Griaule M. Alliance Cathartique // Africa. 1948. Vol. 18. № 3. P. 195–210.

Gulliver 1957 – Gulliver P.H. Joking Relationship in Central Africa // Man. 1957. Vol. 57. P. 225–238. Fine 1976 – Fine G.A. Obscene Joking Across Cultures // Journal of Communication. 1976. Vol. 26. № 3. P. 134–140.

Fortes 1945 – Fortes M. The Dynamics of Clanship among the Tallensi. Oxford, 1945.

Freedman 1997 – Freedman J. Joking, Affinity and the Exchange of Ritual Services among the Kiga of Northern Rwanda: An Essay on Joking Relation Theory // Man. The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1997. Vol. 12. № 1.

Evans-Pritchard 1965 – Evans-Pritchard E.E. The Position of Women in Primitive Societies and in Our Own. L., 1965.

Eggan 1937 – Eggan F. The Cheyenne and Arapaho Kinship System // Social Anthropology of North American Tribes / Ed. F. Eggan. Chicago, 1937. P. 55–57.

Elkin 1964 – Elkin A.P. The Australian Aborigines. N.Y., 1964. P. 122.

Howell 1973 – Howell R.W. Teasing Relationships. Cambridge (MA), 1973.

Levine 1969 – Levine J. Approaches to Humor Appreciation // Motivation in Humor / Ed. J. Levine. N.Y., 1969. P. 1–30.

Lee 1972 – Lee R.B. The !Kung Bushman of Botswana // Hunters and Gatherers Today. N.Y., 1972. P. 326–368.

Lee 1984 – Lee R.B. The Dobe !Kung. N.Y., 1984.

McGhee 1989 - McGhee P.E. Humor and Children's Development. N.Y., 1989.

Marshall 1976 - Marshall L. The !Kung of Nyae-Nyae. Cambridge, 1976.

Miller 1967 – Miller F.C. Humor in Chippewa Tribal Council // Ethnology. 1967. Vol. 6. № 3. P. 263–271. Moreau 1941 – Moreau R.E. The Joking Relationship in Tanganyika // Tanganyika Notes and Records.

1941. № 12. P. 1-10.

Pedler 1940 – Pedler F.J. Joking Relationships // Africa, 1940. Vol. 13. № 2. P. 170–173.

Paulme 1939 – Paulme D. Parenté a plaisanteries et alliance par le sang en Afrique occidentale // Africa. 1939. Vol. 12. № 4. P. 433–444.

Radcliffe-Brown 1924 - Radcliffe-Brown A.R. The Mother's Brother in South Africa // South African Journal of Science. 1924. Vol. 21.

Radcliffe-Brown 1940 – Radcliffe-Brown A.R. On Joking Relations // Africa. 1940. Vol. 13. № 3. P. 195–210.

Radcliffe-Brown 1949 – Radcliffe-Brown A.R. Further Notes on Joking Relations // Africa. 1949. Vol. 19. P. 133–140.

Radcliffe-Brown 1952 – Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. L., 1952. Silberbauer 1972 – Silberbauer G.B. The G / wi Bushmen // Hunters and Gatherers Today. N.Y., 1972. P. 271–325.

Schapera 1930 – Schapera I. The Khoisan Peoples of South Africa. L., 1930.

Schapera 1953 - Schapera I. The Tswana. L., 1953.

Spencer, Gillen 1899 – Spencer B., Gillen F. The Native Tribes of Central Australia. L., 1899. Цит. по полному переизданию: N.Y., 1968.

Widlok 1999 - Widlok T. Living on Mangetti. Oxford, 1999.

Wissler 1935 – Wissler C. The Social Life of Blackfoot Indians // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1935. Vol. 7. Pt 1. P. 11–12.

Warner 1937 - Warner W.L. Black Civilization. N.Y., 1937.

Y.A. Artemova. Joking Relationships in Traditional Societies: an Ethnological-Psychological Analysis

The article is concerned with joking relationships as a social institution. Joking relationships are the type of relationships between individuals or groups in which one party treats the other in an offensive, ribald manner, while the other is not supposed to demonstrate resentment. In so-called "primitive" cultures such relationships are ordered or institutionalized. The author presents a historical review of social-anthropological studies of joking relationships, discusses their connection with the tradition of avoidance, and tries to show some geographical tendencies related to both traditions. Typical manifestations of joking and avoidance are described and analyzed in the article. The author points at the importance of two factors having effect on partners' "joking status" or "avoidance" status – that is, their gender and age. As typical structural conditions for joking/avoidance relationships, the relations between mother's brother and sister's son, between cross-cousins, between grandparents and grandchildren, and between in-laws are discussed. Trying to uncover socio-psychological functions of the traditions in question, the author concludes that joking and avoidance are multifunctional and highly capacious behavioral instruments, and that in any separate case the subjects of joking relationships solve a number of communicational problems at once.